

К. А. Колобова¹, К. К. Павленок¹, Д. Фляс², А. И. Кривошапкин¹

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kolobova@archaeology.nsc.ru

² Королевский музей искусств и истории
Parc du Cinquantenaire, 10, Bruxelles, 1000, Belgium
E-mail: damienflas@yahoo.com

СТОЯНКА КЫЗЫЛ-АЛМА-2 – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЗАПАДНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ*

Продолжительное время внимание исследователей каменного века привлекает факт количественного дисбаланса между средне- и верхнепалеолитическими памятниками Средней Азии. По сравнению с количеством среднепалеолитических стоянок, верхнепалеолитические памятники крайне немногочисленны. Открытие и изучение новых объектов верхнего палеолита на территории Средней Азии вносит существенный вклад в решение вышеуказанных проблем. Так, недавнее открытие и изучение нового памятника Кызыл-Алма-2, результаты которого представлены в настоящей статье, позволяет сформулировать новое видение путей происхождения и дальнейшего развития верхнепалеолитической культуры региона. На основании проведенных исследований стоянка Кызыл-Алма-2 определяется как мастерская раннего верхнего палеолита, располагающаяся на выходах сырья.

Ключевые слова: Узбекистан, верхний палеолит, первичное расщепление, орудийная коллекция, функциональный тип, культурная и хронологическая принадлежность.

Продолжительное время внимание исследователей каменного века привлекает факт количественного дисбаланса между средне- и верхнепалеолитическими памятниками Средней Азии. Если количество и содержание индустрий среднепалеолитических памятников дали исследователям основания для выделения различных вариантов локальных культур [Ранов, Несмеянов, 1973; Сулейманов, 1972; Касымов, 1972], то представительность верхнепалеолитических ассамбляжей оставляла желать лучшего, а их разнообразие не позволяло однозначно выделить группировки, характеризующие какие-либо технологические и культурные тенденции.

В качестве причин столь заметной малочисленности памятников указанного перио-

да исследователями выдвигались разные предположения. Основной гипотезой до настоящего времени является идея о гипераридизации климата, в результате которой произошла временная депопуляция некоторых регионов [Davis, Ranov, 1999]. Многие исследователи в той или иной степени поддерживают данную гипотезу, однако смягчают основные выводы и говорят не о полной депопуляции региона, а лишь о сокращении численности человеческих популяций в период позднеледникового максимума похолодания [Ранов, Несмеянов, 1973; Ранов, Каримова, 2005; Додонов 2002]. В качестве другой причины малочисленности известных верхнепалеолитических объектов региона также называется геоморфологический фактор, а именно характерная

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ (экспедиционный проект № 10–01–18116 е, исследовательский проект № 08–01–00332а), экспедиционных грантов Президиума СО РАН и проекта № 25.1.9 программы РАН «Древнейшее наследие и истоки творческих начал человека», ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., госконтракт 02.740.11.0353.

для региона активная деятельность селевых процессов, в результате которых содержащиеся верхнепалеолитический материал отложения могли быть уничтожены [Ранов, 1988], либо залегают на значительной глубине, что делает их обнаружение традиционными методами археологической разведки проблематичным [Абрамова, 1984].

В свете описанных проблем открытие и изучение новых объектов верхнего палеолита на территории Средней Азии вносит существенный вклад в решение вышеуказанных проблем. В последние годы было обнаружено несколько стратифицированных стоянок позднекаменного века либо возобновлено изучение ранее известных памятников с использованием комплексных методов исследования. Целью данной работы является ввод в научный оборот и предварительный анализ материалов нового памятника позднего палеолита – Кызыл-Алма-2.

В августе 2007 г. участниками Центральноазиатского палеолитического отряда Института археологии и этнографии Российской Академии наук было проведено разведочное обследование окрестностей стоянки Кульбулак, расположенной на юго-восточном склоне Чаткальского хребта (рис. 1, а) [Деревянко и др., 2007б]. В результате новых исследований в выработке современного глиняного карьера проф. М. Даппером (Университет Гента, Бельгия) и канд. геол.-минерал. наук С. В. Лещинским (ТГУ, Россия) была открыта стоянка Кызыл-Алма-2 [Деревянко и др., 2007а]. Этот памятник открытого типа находится на расстоянии 1 200 м на север-северо-запад от стоянки Кульбулак, превышение над уровнем которой составляет 66 м, а угол падения – 3–5°. Стоянка приурочена к разлому органогенных известняков с выходами жильного кремня различного качества¹.

Стратиграфический анализ показал, что во вскрытом разрезе представлены склоновые отложения преимущественно делювиального генезиса, с наложением на разных

этапах осадконакопления эоловых и селевых процессов. Пачка отложений была разделена на четыре отдельных стратиграфических подразделения (рис. 1, б). Описание (сверху вниз) вскрытых раскопом культуро-содержащих отложений (Д. Е. Лунева, 2008, личное сообщение) выглядит следующим образом.

Слой 1 представляет собой современную толщу, образованную за счет плоскостного делювиального смыва и (в меньшей степени) эолового накопления. Слой представлен белесым, желтовато-коричнево-серым лессовидным суглинком с редкими включениями карбонатного щебня (~ 5–3 см). Мощность непостоянная и в среднем достигает ~ 0,12 м. Подошва отчетливая, но неровная, с трещинами.

Слой 2 – это плохо сцементированный белесый, желтоватый, светло-коричневый лессовидный суглинок эолового накопления. На границе с подошвой отмечаются обломки горных пород (~ 3 см и меньше). Мощность слоя не постоянна, меняется за счет трещиноватости нижележащего слоя и в среднем составляет от ~ 0,1 до ~ 0,18 м. Подошва неровная, разбитая трещинами, но четкая за счет текстуры отложений.

Слой 3 – светло-коричневый лессовидный суглинок с комковатой текстурой. Для всего слоя характерно хаотичное распространение карбонатных конкреций (~ 1 см), а также обломков выветрелого известняка дресвяной и щебнистой размерности. По общей текстуре слоя и по расположению обломочного материала в нем можно предположить, что данная толща была накоплена в результате склоновых гравитационных процессов. Мощность слоя составляет примерно 2,25 м.

Слой 4 представлен продуктами селевого потока и сложен глыбово-дресвяно-щебнистыми отложениями в совокупности с лессовидным суглинком. Обломочный материал расположен в слое без какого-либо порядка и сортировки, совершенно не окатан. Размерность обломков увеличивается от кровли к подошве и в среднем составляет 7 × 4 × 3 см. Видимая мощность слоя ~ 1,75–1,8 м.

Археологический материал с различной степенью концентрации фиксируется во всех четырех вскрытых стратиграфических подразделениях. Основываясь на характере отложений, содержащих культурные остат-

¹ Авторы выражают свою искреннюю признательность академику РАН А. П. Деревянко и академику АН РУз У. И. Исламову за неоценимую помощь в организации и проведении полевых и лабораторных исследований палеолитических памятников Узбекистана. Иллюстрации каменных артефактов выполнены художником ИАЭТ СО РАН Н. В. Вавилиной.

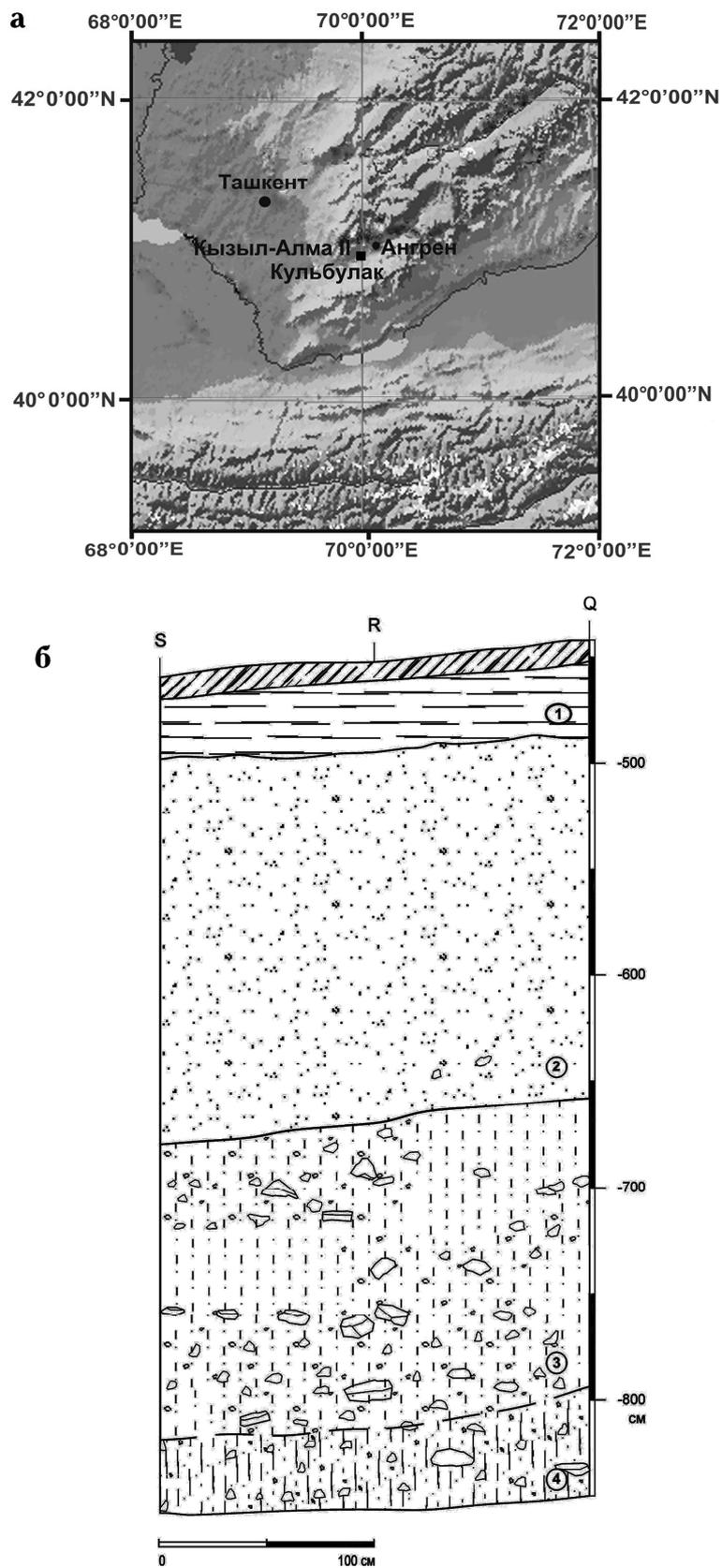

Рис. 1. Географическое положение (а) и стратиграфия стоянки Кызыл-Алма-2 (б)

ки, можно предположить наличие площадного смещения данных отложений, но, учитывая ландшафт данного участка (примыкание рыхлых отложений непосредственно к коренным выходам кремнесодержащих известняков), следует полагать, что расстояние подобного переноса (склонового сползания) было незначительным. Об этом также свидетельствует отсутствие отчетливых признаков механических повреждений на поверхности обнаруженных артефактов. Незначительная патинизация поверхности артефактов позволяет предположить, что каменные изделия до их погребения (и последующего перемещения по склону вместе с вмещающими их отложениями) экспонировались определенное время на поверхности.

Схожие по всему разрезу технико-типологические характеристики каменного инвентаря, наряду с присутствием во всех стратиграфических подразделениях одинаковых специфических серийных форм каменных орудий, позволяют предположить, что в результате гравитационных процессов частичному смещению подверглись культурные остатки, аккумулировавшиеся в течение ограниченного промежутка времени (по крайней мере, в рамках одного культурно-периодизационного этапа каменного века) на гипсометрически более высокой (по сравнению с настоящим положением артефактов в слоях) площадке. Поэтому авторами статьи было принято решение рассматривать весь имеющийся ассамбляж каменных изделий как единый комплекс.

Общее количество артефактов стоянки Кызыл-Алма-2 составляет 4 804 предмета. Подавляющее большинство артефактов (4 344 экз., 90,4 %) представлено отходами производства и в дальнейшем анализе не учитывалось. Сырьевой базой индустрии стоянки служил желвачный халцедоновидный кремль плохого качества, не монолитный, кавернозный, с включениями, с неровной дырчатой поверхностью и крайне извилистыми контурами. Формирование кремня проходило по осадочной породе. Явно фиксируется побеление (патинизация) собственно желваковых и сколовых поверхностей (Н. А. Кулик, 2009, личное сообщение).

Относительно первичного расщепления следует отметить, что нуклевидные формы составляют 21,3 % коллекции (101 экз.).

Данная категория включает в себя как типологически определимые ядрища (38 экз.), так и нуклевидные изделия – 63 экз.

Нуклеусы торцового принципа расщепления представлены 11 экз.

Торцовые клиновидные нуклеусы для пластинчатых сколов – 8 экз. Данная категория ядрищ предназначалась преимущественно для получения пластинок и, лишь в некоторых случаях, микропластинок. Заготовками для нуклеусов выступали изначально треугольные в плане и поперечном сечении заготовки (обломки кремня или массивные в поперечном сечении сколы). Скошенные к плоскостям расщепления ударные площадки либо естественные, либо незначительно подработаны несколькими сколами, выполненными со стороны плоскости расщепления. Лишь в одном случае площадка создана единичным массивным сколом. Расщепление инициировалось с удаления продольного ребра (преднамеренно созданного либо естественного). В качестве желаемых сколов-заготовок, судя по негативам последних снятий, выступали мелкие пластины или пластинки с прямым или незначительно изогнутым профилем. Практически все нуклеусы представлены в начальной стадии сработанности, с них реализовывалось в основном лишь 2–3 желаемых скола. При оформлении нуклеусов, если естественная конфигурация выбранного обломка породы (или массивного скола) не обладала необходимыми древнему мастеру параметрами (узкий, треугольный в плане фронт), применялась латеральная подправка сколами. Клиновидное основание нуклеусов, а также центральное продольное ребро контрфронта (в случае его присутствия) несут следы лишь незначительной подправки (рис. 2, 1–3, 5, 7, 8). Торцовый двуплощадочный бифронтальный нуклеус представлен 1 экз. Ядрище переоформлено из истощенного нуклеуса другого типа (рис. 2, б). Торцовые моноплощадочные нуклеусы для пластинок имеются в количестве 2 экз. Первый нуклеус прямоугольный в плане и в поперечном сечении. С фронта скалывания была получена единственная пластина. Второе ядрище подпрямоугольное в плане и в поперечном сечении. Фронт покрыт наложенными негативами сколов, последний из них привел к глубокому залому (рис. 2, 4).

Нуклеусы плоскостного принципа расщепления представлены 17 экз.

Плоскостных ядрищ параллельного способа расщепления имеется 14 экз., плоскостных моноплощадочных монофронтальных нуклеусов параллельного способа расщепления – 10 экз. Нуклеусы данного типа, оформлявшиеся на крупных отдельностях кремня, обычно не подвергались тщательной отделке. По ориентации осей скалывания их можно подразделить на две группы: нуклеусы продольной ориентации, расщепление которых шло по длинной оси скалывания, и ядрища поперечной ориентации, утилизация которых шла по короткой оси скалывания. Нуклеусы последней группы предназначались исключительно для получения целевых сколов с параметрами отщепов, в то время как с нуклеусов с продольной ориентацией получали не только отщепы, но и сколы с параметрами пластин. Плоскостных биплощадочных монофронтальных нуклеусов параллельного способа расщепления известно 4 экз. Нуклеусы данной категории подвергались более тщательной подготовке и были предназначены для получения как отщепных, так и пластинчатых заготовок. Расщепление шло по длинной оси нуклеуса. На противоположных концах заготовки оформлялись ударные площадки, с которых во встречном направлении велось получение сколов. Отличительной чертой этих нуклеусов является несовпадение осей скалывания заготовок с противоположных ударных площадок. В большинстве случаев плоскости ударных площадок расположены под острым углом по отношению друг к другу и реализовавшиеся заготовки снимались по двум осям: по длинной оси нуклеуса и по оси, находящейся по отношению к ней под тупым углом. Плоскостной параллельного принципа расщепления биплощадочный бифронтальный (1 экз.) нуклеус с перпендикулярно-смежными ударными площадками предназначен для получения отщепов. Дисквидные нуклеусы представлены 1 экз. Это бифронтальный нуклеус овальной формы для получения отщепов (рис. 3, 7). Ортогональные нуклеусы также известны в количестве 1 экз. Этот нуклеус для отщепов с двумя сопряженными площадками, подтреугольный в плане и трапециевидный в поперечном сечении, выполнен на массивном сколе. Имеется и кубовидный биплощадочный бифронтальный нуклеус (1 экз.).

Нуклеусов призматического принципа расщепления найдено 10 экз., из них кареноидных нуклеусов – 3 экз. В этой группе выделяются кареноидные нуклеусы на сколах – 2 экз. Первый нуклеус продольного принципа снятий для пластинок выполнен на сколе. Фронт расщепления располагается на правом продольном краю скола-заготовки. С ударной площадки на плоскость продольного края, захватывая дорсальную плоскость заготовки, реализовывались остроконечные пластинки. Отмечается неудачная попытка выхода расщепления на вентральную поверхность заготовки (рис. 3, 3). Второе ядрище, выполненное на массивном в поперечном сечении пластинчатом краевом сколе, было предназначено для получения микропластинок. Снятия велись в поперечном направлении, т. е. утилизировался объем ядрища между вентральной и дорсальной плоскостями (рис. 3, 1). Кареноидный нуклеус на отдельности кремня (1 экз.) выполнен на истощенном плоскостном моноплощадочном нуклеусе для пластинчатых отщепов (рис. 3, 5). Подпризматические моноплощадочные нуклеусы известны в количестве 7 экз. Нуклеусы призматического способа расщепления обычно предназначались для производства удлиненных заготовок – пластин либо пластинчатых отщепов с одиночных ударных площадок, оформленных единичными захватывающими сколами и впоследствии подновлявшихся мелкими сколами с поверхности расщепления (рис. 3, 2, 4, 6; рис. 4, 6, 11, 12).

Относительно индустрии сколов следует заметить, что сколы в коллекции представлены отщепами (158 экз., 34,3 %), пластинчатыми отщепами (27 экз., 5,9 %), пластинами (68 экз., 14,8 %), пластинками (26 экз., 5,7 %) и техническими сколами (83 экз., 22,9 %). Согласно полученным данным, доминирующими типами площадок являются гладкие, созданные одним сколом (64,5 %), и естественные (19,8 %). Двухгранные прямые площадки фиксируются только у 6,6 % сколов, в целом для индустрии не характерна подработка ударной площадки. Судя по отсутствию сколов с расплывчатым ударным бугорком и вентральным карнизом, для скалывания применялся исключительно твердый отбойник. Характеристика огранок дорсальной поверхности сколов индустрии свидетельствует о преимущественном использовании параллельного способа расщепления,

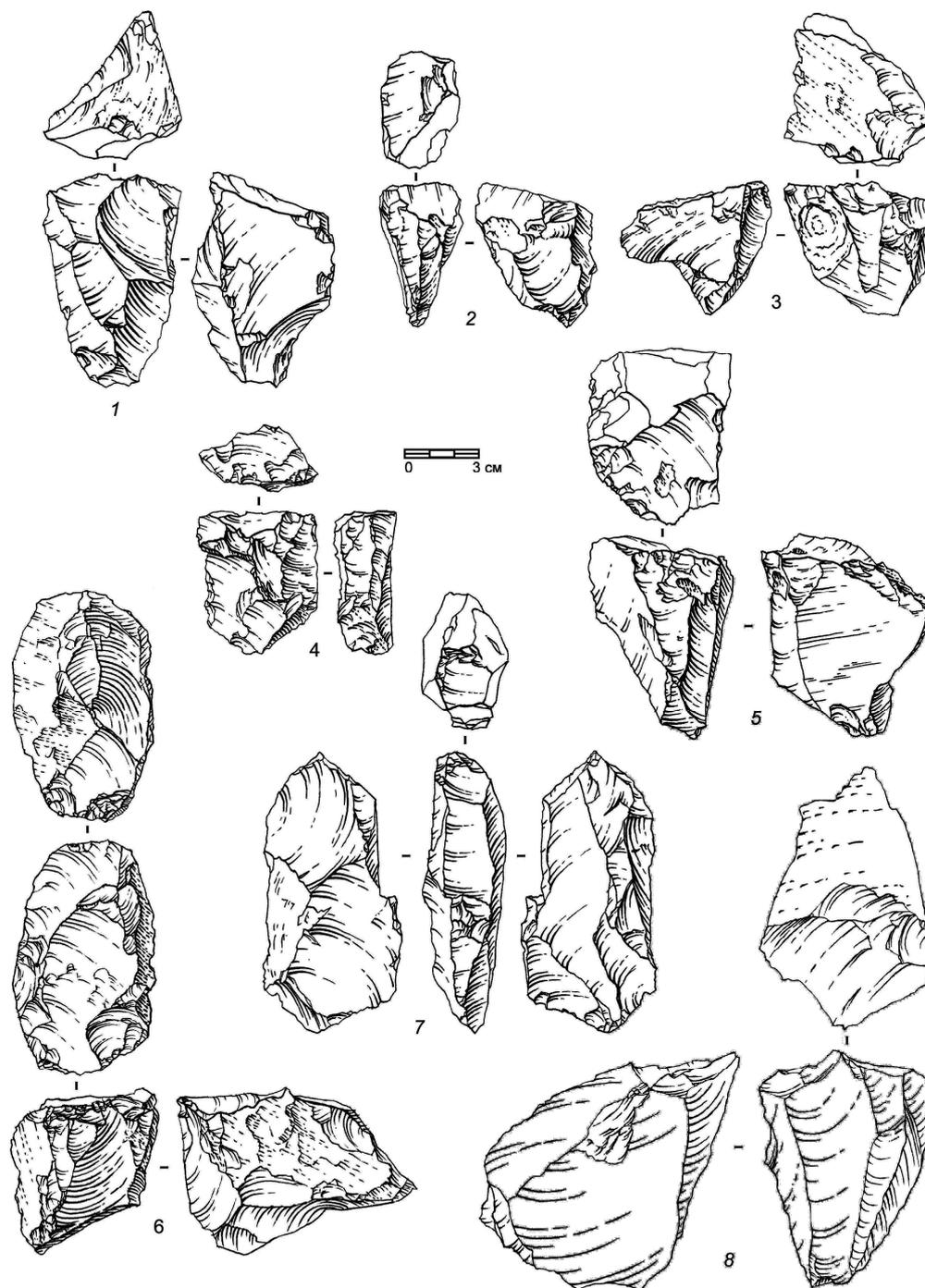

Рис. 2. Нуклеусы торцового принципа расщепления стоянки Кызыл-Алма-2: 1–3, 5, 7–8 – торцовые клиновидные ядрища; 4 – торцовый моноплощадочный нуклеус; 6 – торцовый биплощадочный нуклеус

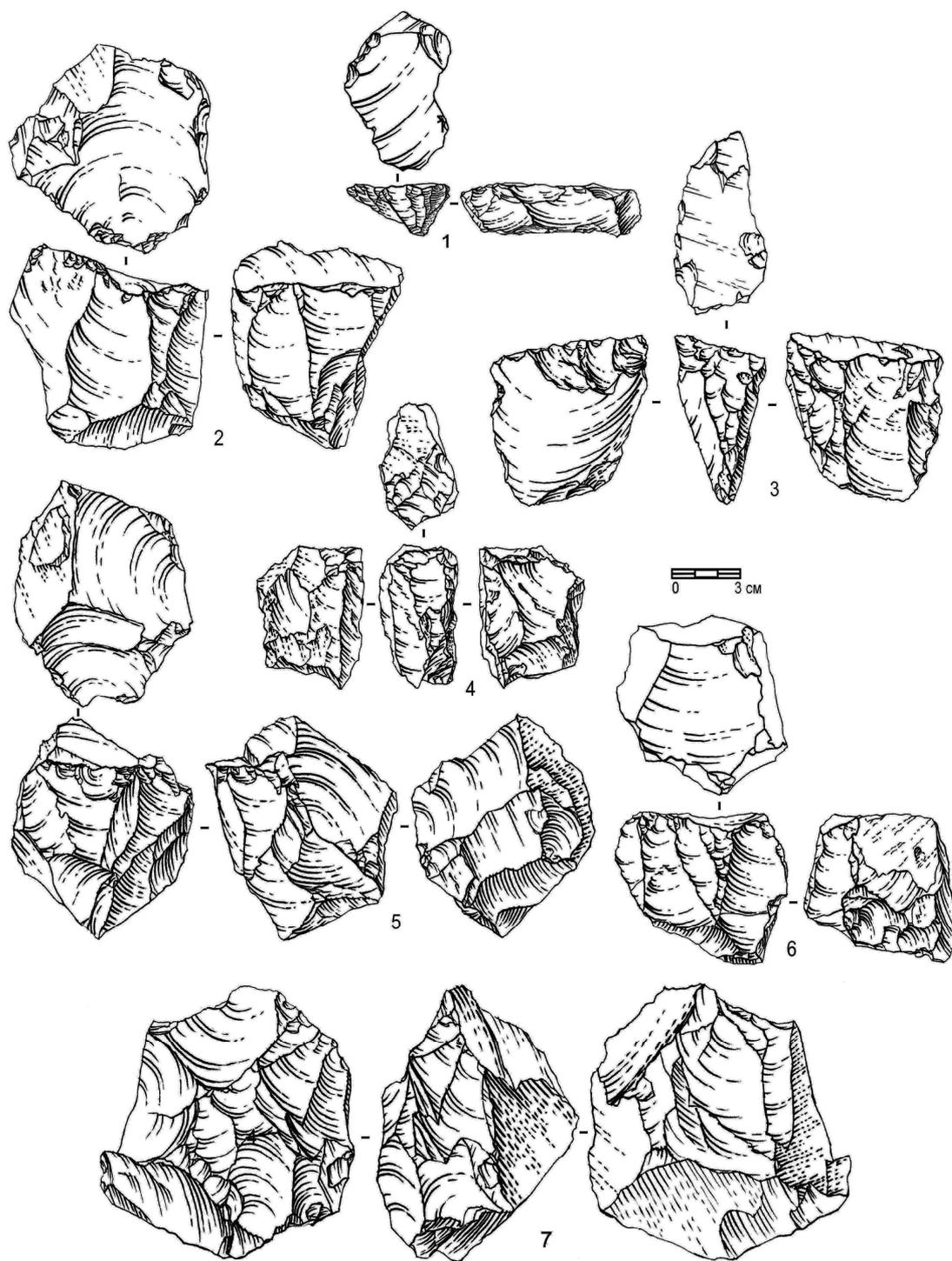

Рис. 3. Нуклеусы призматического и плоскостного принципов расщепления стоянки Кызыл-Алма-2: 1, 3, 5 – кареноидные нуклеусы; 2, 4, 6 – подпризматические нуклеусы; 7 – дисковидный нуклеус

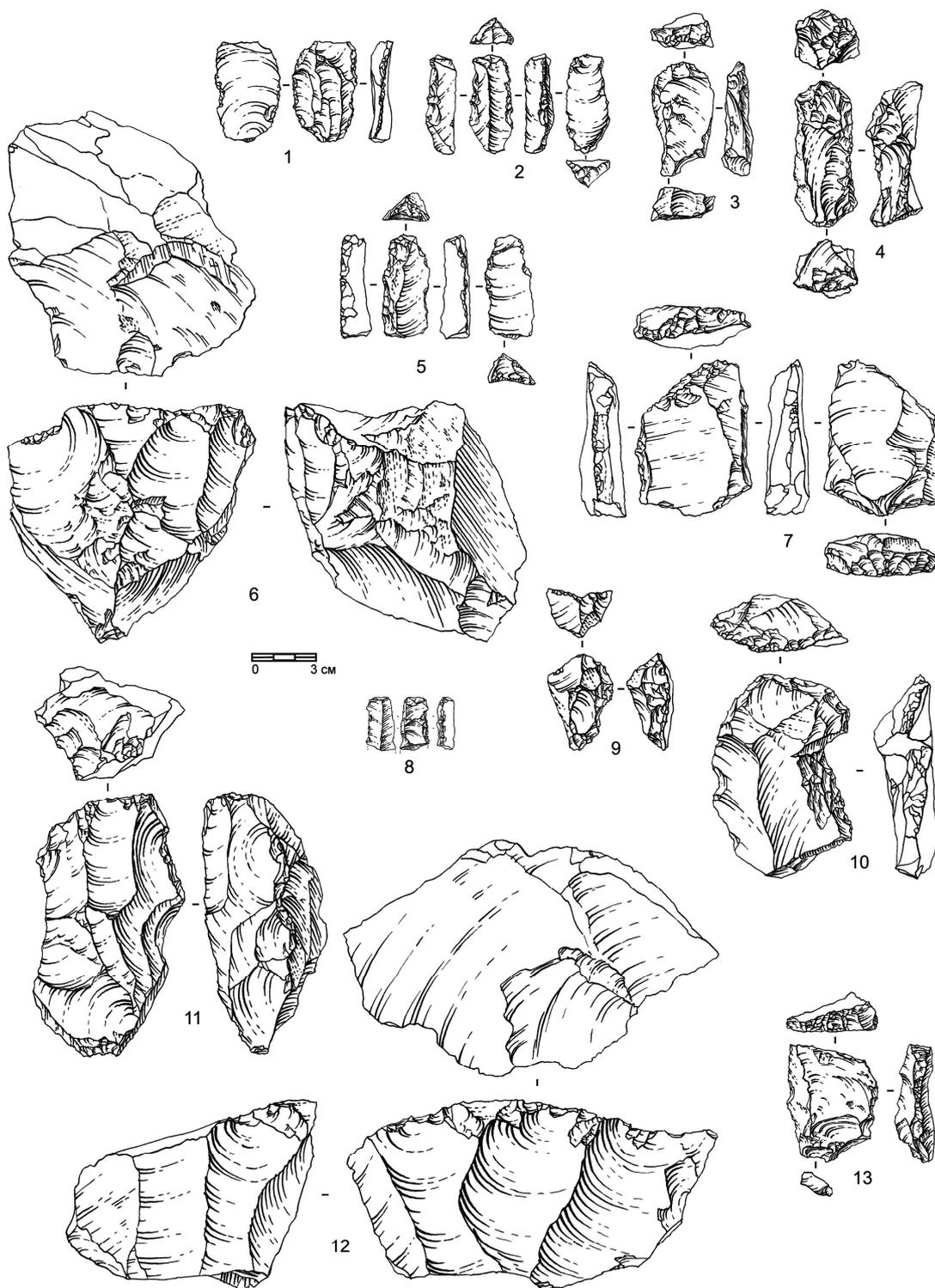

Рис. 4. Нуклеусы призматического принципа расщепления и орудия стоянки Кызыл-Алма-2: 1 – отщеп с ретушью утилизации; 2, 7 – двойные альтернативные концевые скребки; 3–4 – концевые скребки; 5 – комбинированное орудие; 6, 11–12 – подпризматические нуклеусы; 8 – пластинка с ретушью; 9 – скребок высокой формы; 10 – скребло; 13 – угловой скребок

при котором отделение сколов производится в одном направлении. В рамках этого способа наиболее часто реализовывался прием однонаправленного скалывания (54,9 % сколов индустрии). Использование приемов встречного и ортогонального скалывания фиксируется в индустрии стоянки гораздо реже (6 и 4,5 % соответственно).

Анализ метрических характеристик целых сколов-заготовок показал, что в целом индустрию отличают достаточно низкие показатели удлинённости по всем категориям сколов и малое количество пластин.

подавляющую часть сколов без желвачной корки отличает наличие на спинке поврежденных кавернами участков (73,1 % – 264 экз.). Большинство из этих изделий (66,6 %, или 175 экз.) имеют пропорции отщепов. Возможно, состав индустрии отражает достаточно специфический сценарий, когда процесс снятия сколов с нуклеуса не был ориентирован на получение потенциальных заготовок орудий, а имел целью освобождения изначального блока сырья от бракованной части. На месте расщепления было оставлено только 18 сколов (5 % индустрии) без признаков брака.

Набор технических сколов индустрии (исключая сколы декортикации) немногочислен. Он включает краевые сколы (9 экз.), сколы подживления рабочей поверхности нуклеусов параллельного принципа расщепления (6 экз.), реберчатые (3 экз.) и полуреберчатые (3 экз.) сколы.

Орудийный набор насчитывает 59 экз. Доля орудий в коллекции составляет 12,8 % (без учета отходов производства). В результате типологического анализа большая часть орудийной индустрии была охарактеризована как ситуационные или неформальные изделия. Под этим термином понимаются артефакты, которые претерпели минимальные изменения при оформлении или использовании, не имеют специфических морфологических признаков и не образуют устойчивых серий [Рыбин, Колобова, 2005].

Неформальные орудия представлены 34 экз. В зависимости от типа заготовки, а в ряде случаев и от других типологических признаков, эти изделия делятся на несколько групп. Так, отщепов с ретушью – 29 экз. Вторичная обработка этих орудий маловыразительна, представлена исключительно краевой чешуйчатой слабomodифицирующей ретушью с постоянным либо прерыви-

стым характером нанесения. Большая часть фасеток имеет функциональное происхождение (рис. 4, 1). Те же характеристики имеют фасетки на пластинках с ретушью – 2 экз. Пластинка с ретушью (1 экз.) представлена медиальным фрагментом массивной в поперечном сечении пластинки, левый продольный край которой обработан вентральной постоянной чешуйчатой слабomodифицирующей полукрутой ретушью (рис. 4, 8). Выемчатые орудия представлены 2 экз. Оба изделия по своим морфологическим признакам относятся к разряду неформальных орудий, поскольку кроме анкошей не несут на своих поверхностях иных свидетельств обработки или утилизации.

Формальные орудия (25 экз.) также подразделяются на несколько категорий. Долотовидных изделий известно 4 экз. Данная категория представлена доловидными изделиями и стамеской. Доловидные орудия (3 экз.) изготавливались на массивных в поперечном сечении заготовках, в проксимальных частях которых образовывалось рабочее лезвие, в большинстве случаев в результате сработанности. Лезвия несут негативы уплощающих сколов и бифасиальной утилизационной ретуши. Стамеска известна в 1 экз. Отличие стамески от доловидных орудий состоит только в том, что на ней следы сработанности на лезвии располагаются только на одной плоскости изделия. Скребла представлены 2 экз. Первое орудие – продольно-поперечное двойное скребло с зубчатым краем, выполненное на крупном удлинённом отщепе трапециевидной формы. Второе изделие – продольно-поперечное двойное прямо-выпуклое скребло (рис. 4, 10).

Скребок известно 15 экз., из них угловой скребок на тронкировании – 1 экз. (рис. 4, 13), боковых скребков – 2 экз., концевых – 9 экз. Обычно орудия изготавливались на массивных в поперечном сечении заготовках, преимущественно, краевых сколах, в дистальной или проксимальной частях которых (либо на плоскости поперечного слома) оформлялся рабочий элемент. В случае обработки проксимального края ретушью редуцировалась остаточная ударная площадка. Ретушь, оформлявшая рабочие элементы, всегда дорсальная постоянная сильно модифицирующая либо среднемодифицирующая, чешуйчатая с крутым либо отвесным углом нанесения (рис. 4, 4). Среди

изделий с подобной морфологией выделяются концевые скребки, изготовленные на заранее усеченных при помощи сколов тронкирования заготовках – 3 экз. (рис. 4, 3). Одно изделие можно охарактеризовать как комбинированное орудие – концевой скребок-нож на тронкированном сколе (рис. 4, 5). Двойные концевые альтернативные скребки представлены 2 экз. В эту категорию включены орудия, на противоположных концах которых оформлялись скребковые рабочие лезвия постоянной крутой сильномодифицирующей чешуйчатой либо субпараллельной ретушью. При этом плоскости, с которых производилось ретуширование, альтернативны друг другу (рис. 4, 2, 7). Скребок высокой формы обнаружен в 1 экз. Рабочий край изделия оформлен в проксимальной зоне заготовки на месте редуцирования ударной площадки эпизодической сильномодифицирующей крутой постоянной субпараллельной ламинарной ретушью (рис. 4, 9). Остальные орудия – тронкированная пластина, проколка, угловая проколка на фрагменте пластины, шиповидное орудие и нож с обушком – представлены каждое в единственном экземпляре.

Относительно стоянки Кызыл-Алма в первую очередь следует отметить, что она находится на территории, которая в разные периоды плейстоцена обживалась древними гоминидами достаточно активно. Как было уже отмечено ранее, в 1 200 м от памятника находится известная с 60-х гг. XX в. стоянка Кульбулак, стратиграфическая колонка которой, по мнению М. Р. Касимова, содержит культуросодержащие слои, отражающие эволюцию первобытной материальной культуры от нижнего до верхнего палеолита [Касимов, 1990]. Сам памятник Кызыл-Алма-2, приуроченный к тому же скальному массиву известняка, представляет собой толщу, сформированную делювиальными и селевыми (в основании) отложениями, в которой представлены материалы, вероятно, однослойной стоянки, располагавшейся на небольшом расстоянии выше по склону, смещенные в результате склоновых процессов. Нахождение артефактов в перемещенном состоянии на исследуемой стоянке является «нормой» для региона Средней Азии, где и в настоящее время активно проходят селевые и склоновые процессы [Радиловский и др., 2004; Ранов, Несмеянов, 1973].

Все перечисленные стоянки, в том числе и Кызыл-Алма-2, приурочены к предгорной зоне, где селевая активность наиболее высока. Таким образом, точка зрения В. А. Ранова [1988] о значительной роли селевых процессов, уничтоживших инситу накопления верхнепалеолитического возраста, получает дополнительное подтверждение.

В целом в коллекции Кызыл-Алмы-2 представлен культурно и технологически однородный материал, демонстрирующий все этапы апробирования сырья, декортикации заготовок нуклеусов, расщепление плоскостных, торцовых и призматических нуклеусов и, возможно в меньшей степени, оформление и утилизацию орудий. С нуклеусов получали как отщепные, так и пластинчатые заготовки, включая пластинки. Расщепление таких категорий нуклеусов, как торцовые клиновидные и кареноидные ядрища в подавляющей своей массе было направлено на получение заготовок с пропорциями пластинок с прямым и изогнутым профилем. В целом малочисленная категория кареноидных нуклеусов близка по своим основным техническим характеристикам более многочисленным торцовым клиновидным ядрищам. Их объединяют как критерии выбора заготовки, так и получаемые целевые сколы и применяемые техники оформления фронта расщепления. Отличие заключается только в том, что в случае с кареноидными нуклеусами мы имеем дело с объемным расщеплением.

Общий состав ассамбляжа свидетельствует, что в большой мере на стоянке практиковались операции по оформлению пренуклеусов, которые впоследствии транспортировались в места постоянного обитания древнего человека. В пользу этого говорит общий набор артефактов, в котором более 90 % изделий относятся к отходам производства, а именно к осколкам, обломкам, чешуйкам и мелким отщепам. Кроме того, 23 % всех сколов отнесены к техническим либо несут на дорсальных поверхностях кортикальную корку. Целенаправленные сколы могли также транспортироваться со стоянки. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что дорсальные поверхности 95 % сколов ассамбляжа Кызыл-Алмы-2 в той или иной степени затронуты разрушающими химическими и механическими процессами, т. е. все эти сколы можно отнести к браку, а количество небра-

кованных заготовок очень невелико. Дополнительным свидетельством служит и соотношение количества сколов к общему числу нуклеидных изделий. Подсчеты показывают, что в среднем с одного ядрища реализовывались 3,5 скола, включая сколы разжелевачивания и технические сколы. В то же время подсчет остаточных негативов снятий на типологически определимых нуклеусах показывает, что в этот параметр укладываются только торцовые клиновидные нуклеусы для пластинок – по подсчету остаточных негативов с них реализовывалось в среднем 3 скола. Одновременно определено, что с плоскостных и призматических нуклеусов снималось от 4 до 6 сколов. Данное соотношение показывает, что определенная часть сколов, полученная на стоянке, экспортировалась за ее пределы.

Общее количество орудий в индустрии невелико. Из всех орудийных основ 57,6 % составляют неформальные или ситуационные изделия. В формальной группе орудий преобладают различные модификации скребков, а также долотовидные изделия и скребла. Выделяются скребки «экзотических» типов, таких как двойные концевые альтернативные скребки или скребки на тронкированных сколах. Соотношение количества орудий по отношению к количеству сколов показывает, что каждая шестая основа была утилизирована в качестве неформального орудия, либо переоформлена в формальное. Учитывая небольшое количество формальных орудий, значительную роль неформальных ситуационных изделий, широкое использование в качестве заготовок кортикальных или технических сколов, изготовление орудий на основах «с браком», можно заключить, что орудийная деятельность не являлась основной сферой производства на стоянке и была скорее вспомогательной. В то же время можно предположить, что некоторые изделия могли транспортироваться со стоянки не в качестве заготовок для орудий, а в качестве орудий. В пользу этого говорят отсутствие на стоянке сколько-нибудь значительного количества сколов без дефектов, а также достаточно большое количество чешуек, включенных в отходы производства (916 экз.). Вполне вероятно, что обнаруженные чешуйки, в том числе, могут быть свидетельством оформления определенного количества орудий.

Локализация стоянки на выходах сырья, стратегия поведения древнего населения,

при которой территория стоянки использовалась для подготовки преформ с целью их последующей транспортировки, получения определенного количества заготовок и их транспортировки в качестве сколов-заготовок либо орудий, отбраковка большого количества кремневого материала указывает на использование местонахождения Кызыл-Алма-2 в качестве мастерской на выходах сырья. Можно обоснованно утверждать, что на памятнике происходили первичный отбор сырьевых блоков, апробация сырья, получение пренуклеусов и заготовок орудий, которые впоследствии утилизировались на основных местах обитания древнего человека.

По технико-типологическим параметрам и за неимением результатов абсолютных датировок индустрию памятника можно определить как памятник начального этапа верхнего палеолита. В пользу ранневерхнепалеолитического возраста памятника говорят доминирующие стратегии первичного расщепления, когда при широком использовании плоскостных нуклеусов получила широкое распространение утилизация призматических и торцовых нуклеусов, направленных на получение пластинчатых и мелкопластинчатых заготовок. Доминирование в орудийном наборе скребковых и долотовидных форм также свидетельствует в пользу верхнепалеолитического облика стоянки. С другой стороны, типология остаточных ударных площадок сколов, доминирование в качестве основного типа скола отщепы, малочисленность кареноидных форм и многочисленность торцовых нуклеусов говорит о том, что вероятнее всего индустрия формировалась на начальном этапе позднего каменного века. Тем не менее авторы не отвергают возможность, что в силу функциональной особенности памятника его возраст может быть интерпретирован в сторону удревнения.

Поскольку функциональный тип стоянки определяется как мастерская, произведенные на которой заготовки для нуклеусов, а также заготовки для орудий переносились на стоянку-поселение (либо стоянку), то возникает вопрос, где могло располагаться основное поселение древних людей, использующих кремневые ресурсы Кызыл-Алмы-2. Наиболее вероятным местом является стоянка Кульбулак, располагающаяся в непосредственной близости от памятника (1 200 м на север-северо-запад). Данная стоянка располагается в более комфортных экологических условиях, будучи приуро-

ченной к восходящим источникам воды. Вероятно, в определенный период обживания стоянки Кульбулак Кызыл-Алма-2 являлась сырьевым источником этой стоянки-поселения. Для подтверждения высказанной идеи можно провести основные технико-типологические аналогии между индустриями верхнепалеолитического слоя 2 Кульбулака и индустрией Кызыл-Алмы-2. Прежде всего, параллели отмечаются в приемах первичного расщепления. В индустриях обоих памятников применялись идентичные приемы первичного расщепления, а именно, расщеплению подвергались плоскостные однонаправленные и бинаправленные нуклеусы параллельного принципа снятия, торцовые нуклеусы для пластинчатых снятий, в том числе и клиновидных разновидностей, а также ядрища призматической системы раскалывания (как одно-, так и двухплощадочные). Отмечается редкость таких категорий плоскостных нуклеусов, как дисковидные и ортогональные. Если рассматривать приемы раскалывания в конкретных группах, то также проявляется идентичность технических приемов. Особенно ярко это демонстрируют немногочисленные кареноидные нуклеусы, среди которых выделены ядрища на сколах продольной и поперечной ориентации, а также кареноидные ядрища на отдельностях кремня. Приемы оформления кареноидных нуклеусов из коллекции Кызыл-Алмы-2 полностью совпадают с приемами оформления различных типов кареноидных нуклеусов из индустрии Кульбулака [Жолобова и др., 2009]. Практически все технические приемы, описанные для расщепления торцовых и клиновидных ядрищ Кызыл-Алмы-2, отмечены и в коллекции Кульбулака. Различия можно проследить только в интенсивности утилизации нуклеусов – на Кызыл-Алме они обычно представлены в начальной стадии сработанности, а на Кульбулаке их утилизация проводилась более активно. Эти различия представляются нам напрямую связанными с функциональной принадлежностью памятников. Несомненна технологическая связь между торцовыми клиновидными и кареноидными нуклеусами в обеих индустриях. Заготовками для ядрищ служили треугольные сколы (преимущественно) или отдельности кремня. Ударные площадки, оформлявшиеся сколами с фронтов, располагались под острым углом к фронту. Треугольную форму фронтов расщепления поддерживали

латеральные сколы различных модификаций. Их типологическое различие заключается в том, что получение заготовок с торцовых нуклеусов шло на плоскости, а получение заготовок с кареноидных ядрищ выходило на дугу в плане. В результате с торцовых ядрищ обычно получали пластинчатые заготовки с относительно прямым профилем, в то время как с кареноидных нуклеусов – с изогнутым. К торцовым клиновидным нуклеусам близки торцовые клиновидные нуклеусы на сколах из коллекции стоянки Кульбулак [Деревянко и др., 2009]. Среди технических сколов на обеих площадках выделяются реберчатые и полуреберчатые сколы, инициирующие расщепление на ядрище, а также сколы-«таблетки» (сколы переоформления ударной площадки). Подобный скол был обнаружен в отложениях Кызыл-Алмы-2 при проведении диагностирующей зачистки [Деревянко и др., 2007а]. При корреляции орудийных наборов также обнаруживаются общие черты – превалирование различных типов скребков в орудийном наборе, многочисленность концевых и боковых форм, присутствие вентральных скребков в коллекции Кульбулака и двойных альтернативных в индустрии Кызыл-Алмы-2, значительное присутствие долотовидных форм в обоих ассамбляжах. Кардинальное различие состоит в том, что в орудийном наборе Кызыл-Алмы-2 отсутствует мелко- либо микропластинчатый элемент. Однако в силу ориентированности индустрии Кызыл-Алмы-2 на экспорт подготовленного сырья, орудия из пластинок могли не изготавливаться на данном памятнике. В целом функциональная принадлежность стоянок накладывает свой отпечаток, в результате чего индустрия Кызыл-Алмы-2 выглядит более древней, однако прослеженные связи однозначно говорят о технологической родственности рассматриваемых комплексов.

В результате проведенных корреляций можно заключить, что стоянки Кызыл-Алма-2 и Кульбулак могли синхронно функционировать, отличаясь функционально. Бесспорно, что Кызыл-Алма-2 не была единственным источником сырьевых ресурсов для обитателей Кульбулака, поскольку тот же кремень по осадочным породам мог транспортироваться с других близлежащих стоянок, а источником для эффузивных пород служили устья рек Кызыл-Алма и Джарсая.

Список литературы

- Абрамова З. А. Поздний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. М., 1984. С. 302–346.
- Анисюткин Н. К., Исламов У. И., Крахмаль К. А., Сайфулаев Б., Хушваков Н. О. Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан) // Археологические изыскания / Ин-т истории материальной культуры. СПб., 1995. Вып. 28. 40 с.
- Деревянко А. П., Колобова К. А., Исламов У. И., Фляс Д., Павленок К. К. Новый верхнепалеолитический памятник в долине реки Ахангарон (Узбекистан) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. Новосибирск, 2007а. Т. 13, ч. 1 С. 80–83.
- Деревянко А. П., Колобова К. А., Фляс Д., Исламов У. И., Ков Н., Коуп Д., Звинц Н., Павленок К. К., Маширов Т. Б., Крахмаль К. А., Мухтаров Г. А. Возобновление археологических работ на многослойной стоянке Кульбулак // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. Новосибирск, 2007б. Т. 13, ч. 1 С. 83–89.
- Деревянко А. П., Колобова К. А., Фляс Д., Кривошапкин А. И., Исламов У. И., Павленок К. К. Исследование стоянки Кульбулак в 2009 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Новосибирск, 2009. Т. 15. С. 123–129.
- Додонов А. Е. Четвертичный период Средней Азии: стратиграфия, корреляция, палеогеография. М., 2002. 250 с.
- Касымов М. Р. Культуры и варианты палеолита Узбекистана // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972. С. 34–37.
- Касымов М. Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1990. 42 с.
- Колобова К. А., Фляс Д., Исламов У. И., Кривошапкин А. А., Павленок К. К. Первичное расщепление в верхнепалеолитической индустрии стоянки Кульбулак (Узбекистан) // Древнейшие миграции человека в Евразии: Материалы международного симпозиума. Новосибирск, 2009. С. 114–140.
- Радилюловский В. В., Филимонова Т. Г., Лим С. Открытие палеолитической стоянки в южных предгорьях Гиссарского хребта // АРТ. 2004. Вып. 29. С. 121–130.
- Ранов В. А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 52 с.
- Ранов В. А., Каримова Г. Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. Душанбе, 2005. 252 с.
- Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973. 162 с.
- Рыбин Е. П., Колобова К. А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск, 2005. С. 380–394.
- Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972. 172 с.
- Davis R. S., Ranov V. A. Recent Work on the Paleolithic of Central Asia // *Evol Anthropol.* 1999. Vol. 8. P. 186–193.

Материал поступил в редколлегию 12.05.2010

K. A. Kolobova, K. K. Pavlenok, D. Fläs, A. I. Krivoshapkin

KYZYL-ALMA-2 SITE – A NEW UPPER PALEOLITHIC SITE IN WESTERN TIEN SHAN

The fact of quantitative misbalance between Middle and Upper Paleolithic sites in Central Asia has been attracted an attention of researchers for a long time. In contrast to Middle Paleolithic, the history of Upper Paleolithic epoch in the territory of Central Asia (and Uzbekistan in particularly) is scarcely represented. Discovery and research of new Upper Paleolithic sites in the territory of Central Asia make a significant contribution in solution of above mentioned problems. In particular, recent discovery and study of the new site Kyzyl-Alma 2 (the preliminary study results are presented in this article) makes it possible to look in a new way at the origin and further development of Upper Paleolithic culture in this region. Based on preliminary studies, Kyzyl-Alma 2 site could be interpreted as a workshop existed on raw material outcrops during the beginning of Upper Paleolithic epoch of the region.

Keywords: Uzbekistan, Upper Paleolithic sites, stratigraphic, primary flaking, tool collection, cultural and chronological definitions.